

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2022.10.76.011

Эмоциональные антиномии современности

Кортунов Вадим Вадимович

Доктор философских наук,
профессор кафедры философии,
Российский государственный аграрный университет
им. К.А. Тимирязева,
127550, Российская Федерация, Москва, ул. Тимирязевская, 49;
e-mail: kortunov@bk.ru

Саенко Наталья Ряфиковна

Доктор философских наук,
профессор кафедры «Гуманитарные дисциплины»,
Московский политехнический университет,
107023, Российская Федерация, Москва,
ул. Большая Семеновская, 38;
e-mail: rilke@list.ru

Аннотация

В статье описывается история исследования эмоций с точки зрения философии, социологии культуры повседневности. Представлен обзор научной литературы, посвященной описанию эмоциональных режимов (матриц, нарративов, сценариев), данные термины рассматриваются в контексте «счастливого поворота» в повседневности последних лет. Показано, как знакомые источники эмоциональных матриц в виде театральных постановок и художественных произведений сменились интернет-блогами и авторскими заметками: наблюдение за повседневной жизнью постороннего человека может размывать границу между реальностью и ее выборочной трансляцией в социальных сетях. Сменивший счастливый поворот запрос на аутентичность требует эмоциональной откровенности одновременно с контролем над собственными эмоциями; новая эмоциональная реальность снова обнаруживает императивы, связанные с более и менее приемлемыми эмоциями. Статья показывает, что, несмотря на критику счастья как обязательного душевного состояния каждого человека, новая реальность также требует от человека серьезной работы над собой, включающей популяризированные стоические практики. Антиномия современного эмоционального режима отображает уязвимость человека перед быстро меняющимся миром. Именно противоречивая эмоциональная палитра и отчаянная попытка удержать состояние контроля над собой должна подарить человечеству шанс на надежное ощущение связи с миром и другими людьми во время стремительного ускорения социальных процессов, перепотребления и глобальных эпидемий.

Для цитирования в научных исследованиях

Кортунов В.В., Саенко Н.Р. Эмоциональные антиномии современности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 5А. С. 83-91. DOI: 10.34670/AR.2022.10.76.011

Ключевые слова

Эмоциональные режимы, эмоции, философия эмоций, социология эмоций, эмоциональный капитализм, новая реальность, slow life, счастливый поворот.

Введение

Многочисленные исследования индивидуальных переживаний в общественном и культурном контексте [Лобанова, 2022], ставшие особенно значимыми в XX веке в связи с развитием таких дисциплин, как антропология, история (включая ее новые направления микроистории или социологии повседневности), психология, социология культуры и эмоций, привели к созданию разнообразных теорий, объясняющих связь переживания (нем., *Erlebnis*; англ. *lived experience*) и культурных категорий. Как утверждают голландские психологи Николас Фрайда и Батья Месквито, именно культуры «ассоциируют определенные типы событий с особыми значениями и аффективными оценками. <...> Одни и те же события могут по-разному кодироваться в разных культурах» [Frijida, Mesquito, 1994: 57-59]. О важности кодировки, оценки и готовности к действию как составляющих эмоционального процесса Фрайда и Месквито пишут следующее: от того, насколько произошедшее затрагивают интересы и ценности индивида, зависит, насколько он будет субъективно вовлечен, обеспокоен [Зорин, 2016, 29-30].

Основная часть

Неотъемлемой чертой эмоционального переживания является его *процессуальность*. Повествовательные метафоры и использование нарративных моделей для описания эмоциональной жизни – нарративные образования у психолога Теодора Сарбина [Sarbin, 1989, 185], временные социальные роли [Averill, 1980, 312], сценарные нарративные структуры и интерпретативные схемы [Shweder, 1994, 37]. Нарративная логика переживания позволяет сосредоточиться на таких понятиях, как индивидуальный эмоциональный опыт, но и подчеркнуть коллективные ритуализированные поведенческие схемы интерпретации. Он может быть применим как к обществам с высокоритуализированным поведением (придворное общество, закрытые иерархические сообщества, нормы этикета, действующее в узких кругах), так и к индивидуализированному глобальному сообществу XXI века.

Однако воспринимать эмоциональное переживание как исключительно протяженное становится сложно, когда речь заходит об изучении эмоций в когнитивных науках и даже социологии с точки зрения физиологических проявлений: физиологического возбуждения, оценки ситуации, культурных представлений, экспрессивных жестов. Таким образом, эмоции включают в себя одновременно и события, и действия, и внутренние состояния [Симонова, 2018, 65]. Нюансированное рассмотрение и самого термина, и протекающего процесса важно для выделения эмоциональных составляющих (кодировки, оценки, готовности к действию), а также для моральных и социальных норм, которые закладывают фундамент для публичных

режимов чувствования.

Проблемой для нас становится адекватное описание эмоциональных антиномий, составляющих палитру переживаний современного человека. Насколько справедливо включение в рамку исследования такого большого количества людей? Интерпретативные схемы, модели чувствования обязательно включают в себя элемент *публичности*. Как пишет антрополог Клиффорд Гирц, родоначальник интерпретативной антропологии, которая должна была помочь приобрести доступ к «миропониманию других людей», «чтобы принимать решения, мы должны знать, что мы чувствуем по поводу тех или иных вещей, а чтобы знать, что мы чувствуем по их поводу, нам нужны публичные образы чувствования» [Гирц, 2004, 96]. Источниками публичных образов чувствования могут выступать разные области культуры: Гирц считает, что ими могут быть «ритуал, миф и искусство». На конкретном материале об этом писали многие ученые, в особенности историки и социологи повседневности: Уильям Редди исследовал эмоциональный режим, установленный якобинской диктатурой [Reddy, 2001]; Роже Шартье, изучающий историю книгопечатания, связал письменную культуру с развитием абсолютной монархии, обратившись к театральным постановкам [Шартье, 2006]. Драматургический заряд поисков продолжил историк Андрей Зорин, показав, как театральная сцена задавала режимы поведения и чувствования или отражала кулуарную борьбу за власть и признание [Зорин, 2016, 61-139]. Опираясь на работы Юрия Лотмана, Юрия Тынянова и Бориса Эйхенбаума, он также применил достижения истории и социологии эмоций к литературным сообществам начала XIX века, продемонстрировав, как поэт Андрей Тургенев, сестры Соковнины и Василий Жуковский также строили свою жизнь, переживали утраты и любовные неудачи в связи с эмоциональными моделями, уже связанными с менее публичными источниками – драмами для чтения (нем. *Lesungsdrama*), сентиментальными романами и поэзией; как они соотносили собственную поэтическую и переводческую работу с жизненными перипетиями, пытаюсь найти подходящие образцы чувствования [Зорин, 2016, 214-300; 383-467].

В таком случае необходимо найти сегодняшние источники публичных моделей чувствования. Какие медиа сейчас создают «сюжеты» для последовательного человеческого поведения? Если мы считаем эмоциональную культуру современности антиномичной, то как это связано с культурными процессами? Социолог Ольга Симонова утверждает, что эмоции можно рассматривать как «феномен, изучение и измерение которого может служить обнаружению моральных образцов и правил поведения, лежащих в основе социального порядка» [Симонова, 2018, 64].

Для рассмотрения антиномий современной эмоциональной культуры обратимся к другому феномену, также набравшему популярность в последнее время в социологических, феминистских и медиа исследованиях. Это так называемый «счастливый поворот» (англ. *happiness turn*) и современные исследования счастья (*happiness studies*).

Изучение какой-то конкретной эмоции, чувства или даже понятия в исторической и культурной перспективе уже не раз проводилось в отношении Античности, Средневековья и Нового времени. Начиная с лекций Мишеля Фуко о безопасности, парессии как свободном говорении истины, самой истине и мужестве [Фуко, 2011, 2014], такие гуманитарные дисциплины, как история идей, интеллектуальная история и история понятий стали отображать несоответствие между пониманиями одного и того же чувства в разные эпохи. Современные исследователи эмоций, например, шведский культуролог Карин Юханнисон, также активно подключают литературные произведения, например, не только эго-документы, но и художественную прозу, отслеживая историю меланхолического состояния и его медицинского

объяснения с Античности до наших дней [Юханнисон, 2011]. Бразильские психоаналитик Мария Рита Кель в книге «Время и собака» для описания депрессивного субъекта использует стихи Шарля Бодлера, новеллы Франца Кафки и эссе философа Вальтера Беньямина.

Чем отличаются современные исследования счастья? Прежде всего появлением новых оптик. Критический подход к счастью был предложен феминисткой Бетти Фридан. В книге «Загадка женственности» (англ. *Feminine Mystique*) образ счастливой домохозяйки 1950–1960-х годов в Америке предстал читателям с другой стороны: за ширмой безмятежности и ролями хорошей жены и матери стояла экономическая зависимость, невозможность обретения полноценной социальной жизни, неоплачиваемый домашний труд, составляющий «вторую смену», дальнейшая зависимость от антидепрессантов или транквилизаторов, которые в большом объеме выписывались женщинам в послевоенной Америке [Фридан, 1994]. За несколько десятилетий существования традиции феминистской критики счастья она приобретала себе все новые и новые объекты для исследования: распространение историй головокружительного успеха, которые, казалось бы, может повторить каждый, программы управления (менеджмента) эмоциями на рабочем месте, корпоративная культура, требующая доброжелательности и вежливости (для некоторых профессий, связанных с эмоциональным обслуживанием например, работников сферы обслуживания, постоянная улыбка необходима), неолиберальная идеология, оформляющаяся в рекламных слоганах и литературе селфхелпа [Layard, 2011; Вилисов, 2022, 38-40]. К счастью необходимо стремиться как к норме для каждого человека; при этом категория счастья часто либо не учитывает индивидуальные предпочтения отдельных людей (далеко не все видят пределом мечтаний высокооплачиваемую работу в корпорации), либо исключает некоторые категории населения (людей с инвалидностью, бедных людей, людей, решивших не заводить семью), либо в существующем виде, наоборот, кажется некоторым людям неподходящей из-за своих ксенофобных элементов. В последнем случае указание на это часто считается как дурной тон: человек, указавший на оскорбительный подтекст шутки за столом, становится тем, кто испортил вечеринку, кайфоломщиком (англ. *party-pooper*).

Академическая исследовательница истории эмоций и феминистка Сара Ахмед считает, что роль кайфоломщиц кажется отрицательной и нудной только перед лицом патриархата: в таком случае и счастье становится глубоко идеологизированным конструктом, потому что в политических режимах есть особенные приемлемые состояния счастья и их менее приемлемые и менее удачливые копии [Akhmed, 2010]. Государственные индексы счастья, считает она, не могут сказать нам очень много о самой культурно обусловленной природе счастья: они могут лишь показать, какие функции у счастья в современном обществе.

Иная критическая перспектива, связанная с экономическими отношениями, прослеживается в работах Евы Иллуз и Краферда Макферсона. Использование экономической терминологии в работах Иллуз демонстрирует связь между эмоциональной привязанностью и привлекательностью товара, потребностью быть любимым и социально признанным, взаимозаменяемостью товара и человека [Ilouz, 2007; Иллуз, 2019]. Практически товарная привлекательность счастья тесно трансформирует его в постоянную черту человека: по мнению популярной позитивной психологии, такие люди всегда альтруистичны, позитивны и всегда стремятся к еще большему счастью, входя в парадоксальный цикл счастливого следования к большему счастью. Автор книги «Постлюбовь. Будущее человеческих интимностей» Виктор Вилисов замечает, что в пожелании счастья часто кроется замалчиваемое отрицание: «речевой перформатив [“я просто хочу, чтобы ты был(а) счастлив(а)”] идет в комплекте с другими: “не могу смотреть на твое несчастье”, “хочу быть причиной твоего счастья”. Наличие просто как бы

обеспечивает свободу выбора» [Вилисов, 2022, 44]. Однако, как мы уже знаем, выбор возможен далеко не для всех.

Разочарование в концепции всеобщего счастья в капиталистическом обществе привело к запросу на новую эмоциональную модель, на этот раз не скрывающую свои эмоции, а «проживающую» их – интересно, что этот глагол соответствует научному пониманию эмоции как процессуального переживания. Для описания новых эмоциональных режимов люди часто выбирают не экономический язык, дискредитировавший себя в среде позитивного мышления и литературы селфхелпа, а язык психологии: социальный опыт чаще психологизируется и эмоционализируется [Simonova, 2018]. Как пишет Ольга Симонова, современные люди очарованы собственными чувствами; они обсуждают их чаще, чем социальные и экономические условия, да и сама жизнь воспринимается сквозь призму чувств [Симонова, 2019].

Честность перед собой и другими даже в несчастливых состояниях при этом должна сочетаться с «экологичностью» коммуникации, ее безопасностью и «нетоксичностью». Несмотря на видимое разрешение быть не только счастливыми, но и злым, расстроенным, разочарованным, новые правила социального общения все равно создают определенные рамки для эмоциональных реакций, слов поддержки и сочувствия. Разговор о новой эмоциональной реальности облегчает наличие многочисленных разговорников и словарей «новой этики» [Григорьев, 2022]: таким является коллективный сборник «Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности», где прослеживается, как отдельные слова, теряя свое психологическое (психоаналитическое) значение, подстраиваются под новые эмоциональные режимы и практики дружбы, романтических отношений и семейных связей [Аронсон, 2022].

Современная эмоциональная культура часто ожидает от человека совмещения полярных эмоциональных состояний. Ольга Симонова описывает эти противоречивые требования так: «Надо излучать счастье – и уметь ощущать вину, владеть собой — и давать волю чувствам. Любить, но без страданий. Испытывать волнение и ностальгию — без больших душевных затрат» [Симонова, 2019]. Можно заметить, что при важности достижения собственной уникальности, «самости», современный человек как бы опасается эмоциональных потерь, что приводит к желанию испытывать только приятные, положительные эмоции, изредка и быстро переживая негативные и не оставаясь в долгу у собственной грусти. Лучшее вербальное понимание собственных эмоций дает иллюзию контроля над ними, следовательно, контроля над собственной уязвимостью. Таким парадоксальным образом психологизация собственных состояний помогает человеку избежать беспомощности, не причиняя себе боль и беспокойство. Чувства, проявление которых одобряет общество и одобрение которых затем интернализирует индивид, и чувства, проявление которых не поощряется, составляют эмоциональные императивы. Даже если проявление злости и выражение усталости («экологичным способом») теперь могут быть приемлемы, остальная часть эмоциональной жизни человека находится под жестким режимом контроля эмоциональной осознанности, зрелости и «проработанности» психотерапевтическими сессиями. Насколько реалистична такая эмоциональная установка?

Заключение

Если в прошлые эпохи источником эмоциональных режимов был театр, художественная литература и эго-документы, сейчас все чаще ими становятся интернет-инфлюенсеры: блогеры, тиктокеры, ютуберы, авторы колонок в журналах или популярные пользователи на форумах. В отличие от драмы или романа, иллюзия правдоподобия происходящего часто граничит с

действительным положением дел: предметом блога у человека становится его собственная жизнь (блог типа life style) или один из его аспектов (материнство, спорт, кулинария, изучение иностранных языков); часто человек подробно делится происходящим в его личной жизни, а иногда это даже становится главной темой блога. Устанавливая эмоциональные режимы, блогеры неосознанно транслируют на зрителей более драматизированные образцы поведения, чем те, которым они следуют в реальности. Это работает и в обратную сторону: часто зрители или подписчики чувствуют, что могут публично осуждать или комментировать действия инфлюенсера, выносить моральную оценку и критиковать слова другого человека за несоответствие стандартам новой реальности: токсичные фразы, пассивную агрессию, финансовый абьюз в сторону членов семьи и так далее.

Несомненно, у проницаемости личной жизни блогеров и проницательных зрителей этого блога есть плюс: возможность вмешательства в чужое приватное пространство с помощью камеры телефона или текстов в блоге может быть очень кстати в случае происходящего насилия, в которое оказываются посвящены сторонние наблюдатели. Однако ограниченность точки обзора не может дать полной объективной картины. Часто именно это позволяет блогерам хотя бы в социальной сети вести ту самую эмоциональную жизнь, которую выстраивает современная культура: наполненную положительными впечатлениями, экологичной коммуникацией, контролем над собой и возможностью проживать каждую эмоцию, оставаясь «в ресурсе» [Аронсон, 2022].

Парадоксальным образом именно эта неустойчивая и противоречивая рамка, сочетающая противоположные эмоции и потребности, может помочь людям сохранять хоть какую-то стабильность перед меняющейся современностью. Взлет популярности стоицизма и отдельных стоических практик (включая дихотомию контроля – навык разделять то, что в твоих силах, и то, что ты изменить не можешь) и проникновение практик контроля над собой вместе с аскетическими ритуалами в литературу по саморазвитию – симптом человеческой потребности в устойчивости, балансе и возможности делать прогнозы хотя бы по поводу собственной эмоциональной жизни. К этому же относится популяризация медленного образа жизни (slow life) [Саенко, 2019]: люди медленно едят пищу, медитируют, выключают телефон за четыре часа до сна и раз в несколько месяцев проводят диджитал-детоксы, обходясь без связи по миру по нескольку дней.

В книге «Текущая современность» [Бауман, 2008] Зигмунт Бауман пишет о том, что капитализация чувств и капитализм сам по себе как экономическая система обнажает людские тела, уничтожает социальные связи и делает людей беззащитными перед правилами непредсказуемого мира. Удивительно, что именно противоречивая эмоциональная палитра и отчаянная попытка удержать состояние контроля над собой должна подарить человечеству шанс на надежное ощущение связи с миром и другими людьми во время стремительного ускорения социальных процессов, перепотребления и глобальных эпидемий.

Библиография

1. Аронсон П. и др. Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности. М.: Индивидуум, 2022. 284 с.
2. Бауман З. Текущая современность. М.: Питер, 2008. 240 с.
3. Вилисов В. Постлюбовь. Будущее человеческих интимностей. М.: АСТ, 2022. 464 с.
4. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
5. Григорьев С.Л. Этические экзистенциалы современной экранной культуры (на примере британского сериала “Black mirror”) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8 (100). С. 39-44.

6. Зорин А.Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: НЛЮ, 2016. 568 с.
7. Иллюз Е. Почему любовь ранит? Социологическое объяснение. М.: Директ-медиа, 2019. 401 с.
8. Лобанова Ю.В. История философского понимания и изучения эмоций // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8(100). С. 50-55.
9. Саенко Н.Р. «Медленное движение» как стратегия духовной безопасности в современной культуре // Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве: проблемы и перспективы реализации в современной цифровой среде. Волгоград: Перемена, 2019. С. 112-113.
10. Симонова О.А. Социология эмоций и междисциплинарные исследования морали: некоторые теоретико-методологические аспекты // Социологический ежегодник. М., 2018. С. 63-88.
11. Симонова О., Соболевская О. Эмоциональный маст-хэв. Какие переживания важны для современных людей. URL: <https://iq.hse.ru/news/359137995.html>
12. Фридан Б. Загадка женственности. М.: Прогресс; Литера, 1994. 494 с.
13. Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб.: Наука, 2011. 274 с.
14. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. СПб.: Наука, 2014. 358 с.
15. Шартье Р. Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006. 272 с.
16. Юханнисон К. История меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
17. Akhmed S. The promise of happiness. Durham NC: Duke University Press, 2010. 328 p.
18. Averill J.R. Constructionist View of Emotions // Theories of Emotion. New York: Academic Press, 1980. P. 305-339.
19. Frigida N.H., Mesquito B. The Social Roles and Functions of Emotions // Emotions and Culture. New York, 1994. P. 81-87.
20. Illouz E. Cold intimacies: the making of emotional capitalism. Cambridge, UK; Malden, MA; Polity Press, 2007. 144 p.
21. Layard R. Happiness: lessons from a new science. 2011. 320 p.
22. Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. New York: Cambridge University Press, 2001. 396 p.
23. Sarbin T.R. Emotion and Act // The Social Construction of Emotions. Oxford; New York: Basic Blackwell, 1986. 316 p.
24. Shweder R.A. You are not sick, you are just in love: Emotion as an Interpretative System // The Nature of Emotions: Fundamental Questions. Oxford, 1994. 496 p.
25. Simonova O. The Study of Emotions as an Area of Interdisciplinary Cooperation: The History and Sociology of Emotions in the Search for the Explanation of “Emotional Turn” // Russian Sociological Review. 2018. № 3. P. 356-378.

Emotional antinomies of modernity

Vadim V. Kortunov

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Philosophy,
Russian Timiryazev State Agrarian University,
27550, 49, Timiryazevskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kortunov@bk.ru

Natal'ya R. Saenko

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Humanities,
Moscow Polytechnic University,
107023, 38, Bol'shaya Semenovskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: rilke@list.ru

Abstract

The article describes the history of emotion research from the point of view of philosophy, sociology of everyday culture. A review of the scientific literature devoted to the description of emotional modes (matrices, narratives, scenarios) is presented, these terms are considered in the context of a “happy turn” in the everyday life of recent years. It is shown how familiar sources of emotional matrices in the form of theatrical productions and works of art have been replaced by Internet blogs and author's notes: observing the daily life of an outsider can blur the line between reality and its selective broadcast on social networks. The request for authenticity, which has changed its happy turn, requires emotional frankness at the same time as control over one's own emotions; the new emotional reality again reveals imperatives associated with more or less acceptable emotions. The article shows that, despite the criticism of happiness as a mandatory mental state of every person, the new reality also requires a person to work seriously on himself, including popularized stoic practices. The antinomy of the modern emotional regime reflects a person's vulnerability to a rapidly changing world. It is precisely the conflicting emotional palette and the desperate attempt to maintain a state of control over oneself that should give humanity a chance for a reliable sense of connection with the world and other people during the rapid acceleration of social processes, overconsumption and global epidemics.

For citation

Kortunov V.V., Saenko N.R. (2022) Emotsional'nye antinomii sovremennosti [Emotional antinomies of modernity]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (5A), pp. 83-91. DOI: 10.34670/AR.2022.10.76.011

Keywords

Emotional modes, emotions, philosophy of emotion, sociology of emotions, emotional capitalism, new reality, slow life, happy turn.

References

1. Akhmed S. (2010) *The promise of happiness*. Durham NC: Duke University Press, 2010. 328 p.
2. Aronson P. et al. (2022) *Slozhnye chuvstva. Razgovornik novoi real'nosti: ot ab'yuza do toksichnosti* [Complicated feelings. Phrasebook of a new reality: from abuse to toxicity]. Moscow: Individuum Publ.
3. Averill J.R. (1980) Constructionist View of Emotions. In: *Theories of Emotion*. New York: Academic Press.
4. Bauman Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Moscow: Piter Publ.
5. Chartier R. (2006) *Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo* [Written culture and society]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ.
6. Friedan B. (1994) *Zagadka zhenstvennosti* [The Feminine Mystique]. Moscow: Progress; Litera Publ.
7. Frigida N.H., Mesquito B. (1994) The Social Roles and Functions of Emotions. In: *Emotions and Culture*. New York.
8. Foucault M. (2011) *Bezopasnost', territoriya, naselenie* [Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France 1977-1978]. St. Petersburg: Nauka Publ.
9. Foucault M. (2014) *Muzhestvo istiny. Upravlenie soboi i drugimi II* [The Courage of Truth]. St. Petersburg: Nauka Publ.
10. Geertz C. (2004) *Interpretatsiya kul'tur* [The Interpretation of Cultures]. Moscow: ROSSPEN Publ.
11. Grigor'ev S.L. (2022) Eticheskie ekzistentsialy sovremennoi ekrannoï kul'tury (na primere britanskogo seriala “Black mirror”) [Ethical existentials of modern screen culture (on the example of the British series “Black mirror”)]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], 8 (100), pp. 39-44.
12. Illouz E. (2007) *Cold intimacies: the making of emotional capitalism*. Cambridge, UK; Malden, MA; Polity Press.
13. Illouz E. (2019) *Pochemu lyubov' ranit? Sotsiologicheskoe ob'yasnenie* [Why Love Hurts: A Sociological Explanation]. Moscow: Direkt-media Publ.
14. Juhannison K. (2011) *Istoriya melankholii. O strakhe, skuke i pechali v prezhnie vremena i teper'* [History of melancholy. On Fear, Boredom, and Sorrow in former Times and Now]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.

15. Layard R. (2011) *Happiness: lessons from a new science*.
16. Lobanova Yu.V. (2022) Istoriya filosofskogo ponimaniya i izucheniya emotsii [History of philosophical understanding and study of emotions]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], 8 (100), pp. 50-55.
17. Reddy W.M. (2001) *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. New York: Cambridge University Press.
18. Saenko N.R. (2019) «Medlennoe dvizhenie» kak strategiya dukhovnoi bezopasnosti v sovremennoi kul'ture ["Slow movement" as a strategy of spiritual security in modern culture]. In: *Kommunikativnye tekhnologii v obrazovanii, biznese, politike i prave: problemy i perspektivy realizatsii v sovremennoi tsifrovoi srede* [Communication technologies in education, business, politics and law: problems and prospects for implementation in the modern digital environment]. Volgograd: Peremena Publ.
19. Sarbin T.R. (1986) Emotion and Act. In: *The Social Construction of Emotions*. Oxford; New York: Basic Blackwell.
20. Shweder R.A. (1994) You are not sick, you are just in love: Emotion as an Interpretative System. In: *The Nature of Emotions: Fundamental Questions*. Oxford.
21. Simonova O. (2018) The Study of Emotions as an Area of Interdisciplinary Cooperation: The History and Sociology of Emotions in the Search for the Explanation of "Emotional Turn". *Russian Sociological Review*, 3, pp. 356-378.
22. Simonova O., Sobolevskaya O. *Emotsional'nyi mast-khev. Kakie perezhivaniya vazhny dlya sovremennykh lyudei* [Emotional must-have. What experiences are important for modern people]. Available at: <https://iq.hse.ru/news/359137995.html> [Accessed 11/11/2022]
23. Simonova O.A. (2018) Sotsiologiya emotsii i mezhdistitsiplinarnye issledovaniya morali: nekotorye teoretiko-metodologicheskie aspekty [Sociology of emotions and interdisciplinary studies of morality: some theoretical and methodological aspects]. In: *Sotsiologicheskii ezhegodnik* [Sociological Yearbook]. Moscow.
24. Vilisov V. (2022) *Postlyubov'. Budushchee chelovecheskikh intimnostei* [Post-love. The future of human intimacy]. Moscow: AST Publ.
25. Zorin A.L. (2016) *Poyavlenie geroya: Iz istorii russkoi emotsional'noi kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX veka* [The Emergence of a Hero: From the History of Russian Emotional Culture of the Late 18th – Early 19th Centuries]. Moscow: NLO Publ.